

Н.Д. Николаева*

N.D. Nikolaeva*

Опыт осмысления политических катаклизмов XII века: aberrации исторического зрения****Experience of Understanding Political Cataclysms of the 12th Century: Aberrations of Historical Vision****

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-15

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-15

УДК 930.85

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Николаева Н.Д. Опыт осмысления политических катаклизмов XII века: aberrации исторического зрения // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 179–192. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-15.pdf>

Nikolaeva N.D. Experience of Understanding Political Cataclysms of the 12th Century: Aberrations of Historical Vision // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 179–192. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-15.pdf>]

Abstract. The 12th century for the history of relations between the Christian East and West was a “point of bifurcation”, due to its position between the two key events in the history of the Christianity: the Schism of 1054, the beginning of the Crusades (1096) and the Fourth crusade (1202–1204). Accordingly, this century in historiography was a natural stage of increasing contradictions between the two Christian civilizations. For these reasons, the 12th century remains rather neglected by researchers and is considered by them as “intermediate”. The author adheres to the hypothesis that such a tendentious consideration of the 12th century is the result of a teleological approach to the problem of relations between the Christian East and West in the 11th–13th centuries. Using the method of comparative analysis of scientific works on this topic, the author has established that the aberrations of the historical vision led to ignoring the internal heterogeneity of the Eastern and Western Christian worlds. This was a consequence of the inevitable development of the historiography of the issue in the line of the civilizational paradigm. This paradigm gave science the concept of the Christian East and West as separate, internally unified civilizations.

Keywords: Byzantium; Holy Roman Empire; Russia; Poland; Periphery; Civilizational Split; historiographical tradition.

The article has been received by the editor on 18.09.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. XII столетие для истории взаимоотношений христианского Востока и Запада является своеобразной «точкой бифуркации» в силу того, что оно находится между двумя ключевыми для христианского мира событиями – «Великой Схизмой» 1054 г. и IV крестовым походом 1202–1204 гг. Однако XII век остается «в тени» историографической традиции и считается временем неуклонного нарастания противоречий между западно- и восточно-христианскими мирами, включавшими как империи – Византийскую и Римскую, так и их периферии. Цель исследования состоит в выявлении ключевых особенностей формирования историографии, посвященной взаимоотношениям двух христианских миров в XII в., а также в анализе aberrаций исторического зрения, порожденных идеей об этом столетии как о времени укрепления предпосылок для цивилизационного раскола. Методом компаративного анализа основных исследовательских работ по означенной теме было выяснено, что понятия «христианский Восток» и «Запад», используемые в историографии для обозначения Византийской и Римской империй как политических акторов, а также их имперской периферии,

* Николаева Наталья Дмитриевна, преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: natp@sfedu.ru

Nikolaeva Nataliya Dmitrievna, Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: natp@sfedu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.

Funding: The research was funded by RFBR and Novosibirsk region, project number 19-39-90057.

не являются целесообразными ввиду отсутствия в данных исторических образованиях внутреннего единства. Неизбежное развитие историографии вопроса в русле цивилизационной парадигмы дало науке понятие христианского Востока и Запада как отдельных цивилизаций, представляющих собой внутренне целостные единые системы, что не соответствует исторической действительности.

Ключевые слова: Византия; Священная Римская империя; Русь; Польша; периферия; цивилизационный раскол; историографическая традиция.

XII столетие в истории взаимоотношений восточно- и западнохристианских миров традиционно считается временем, которое создало, по выражению Ж. Ле Гоффа, «непроходимый ров, разделявший Запад и Византию»¹. Эта система взглядов сложилась в силу того, что XII веку предшествовала Великая Схизма 1054 г., в его преддверии начались крестовые походы (1096 г.), сопровождавшие это столетие (1147–1149 гг., 1189–1192 гг.), а за ним последовало падение Константинополя в результате IV крестового похода (1204 г.). Подобная совокупность факторов послужила поводом для формирования широко распространённого тезиса об антагонизме между двумя христианскими конфессиями. Этот антагонизм, по выражению Б.Н. Флори, «постепенно обостряясь, накладывал негативный отпечаток на развитие отношений между разными частями христианского мира»². В контексте такого видения XII век представляется прелюдией к осевому моменту европейской истории. При этом кажущаяся очевидность подобного представления является причиной крайне слабого интереса исследователей к этому столетию. Ведь «проходной» период, когда взаимоотношения христианских стран все более и более усложнялись конфессиональными преградами, воспринимается как малоперспективный в плане научных открытий. Поэтому в историографии сформировалась традиция «простых ответов» о причинах и предпосылках цивилизационного раскола христианского мира, напрямую связанного с IV крестовым походом. Опасность подобного оценивания XII в. состоит в той ситуации, которую очень точно охарактеризовал А.В. Корневский: «Историку мешает то, что он смотрит на события из будущего и знает, чем они завершились, тогда как людям прошлого именно несбывшийся сценарий мог казаться вполне реалистическим, а то, что стало реальностью, – несбыточной иллюзией»³.

Исходя из этой позиции, представляется целесообразным определить закономерности и основные особенности формирования историографии, посвященной взаимоотношениям двух христианских миров в XII в., что сделает возможным обозначение характера ретроспекции в отношении данной проблематики и ее дальнейших исследовательских перспектив.

Христианский Восток и Запад. Вехи формирования историографической традиции. Обозначением проблемы развития христианского Востока историческая наука обязана французскому просвещению. Именно тогда были заложены основы прочтения истории Византии как мрачной картины неуклонного падения и деградации на протяжении всего ее существования. Эпоха крестовых походов представлялась просветителям яркой демонстрацией порочности монархического строя. Как подчеркивал Ш.Л. Монтескье, «не было ни одного греческого императора, который не трепетал бы от страха» при виде крестоносцев⁴. Именно в период крестовых походов, по мнению Монтескье, византийская монархия стала деградировать еще стремительнее и «при последних императорах империя, ограниченная предметами Константинополя, кончилась подобно Рейну, который кажется не более ручья,

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 84.

² Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 125.

³ Корневский А.В. «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. New Past. 2017. № 1. С. 20.

⁴ Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 387.

теряясь в океане»⁵. Вынося приговор «византийскому абсолютизму», просветители имели в виду столь ненавистный им абсолютизм Бурбонов. Однако, зародившись как наглядная иллюстрация косности и вредности «абсолютизма», концепция неуклонной деградации Византии стала достоянием всей эпохи Просвещения. Окончательное оформление она получила в сочинении Э. Гиббона с красноречивым названием «Закат и падение Римской империи»⁶ и заложила основы представлений о византийской истории, которые имели влияние на ее изучение в дальнейшем.

На заре формирования классической исторической науки идея о постепенной деградации Византийской империи не без влияния философско-идеологических течений претерпела определенные трансформации. В начале XIX в. в Европе начинает формироваться романтизм, основу которого составляли представления об особом национальном духе, присущем каждому народу. В России этого периода проявляет себя кризис европейской идентичности, выразившийся в появлении теории официальной народности, историсофского концепта «византизм» и движении панславизма, декларировавшего инаковость и духовное превосходство ведомого Россией славянства. В подобных условиях формируется противопоставление России как наследницы Византии и Западного мира. Это, в свою очередь, неизбежно вело к поиску истоков «инаковости» России и обращению к ее византийскому наследию. Данный процесс стал точкой отсчета в формировании представлений об «иноприродности» Византии: империя изначально была «не-Западом», поэтому взаимодействие с западными институтами стало для нее губительным.

Так, британский историк Ч. Оман, рассматривая конец XI– XII вв. как время стремительного упадка империи, видел основную причину этого в латинофильстве Комнинов, выраженном в раздаче привилегий итальянским купцам. Историк писал: «В своих собственных морских портах император едва ли обладал хоть тенью власти: итальянцы торговали там на таких условиях, какие сами выбирали»⁷. Это, по мнению Ч. Омана, и погубило Византию, «ибо в конечном счете именно на своем коммерческом богатстве византийское государство основывало свое процветание»⁸, а итальянцам удалось его подорвать. Г. Герцберг вовсе противопоставил консервативный Восток прогрессивному Западу, ставя в вину Византии эпохи Комнинов неспособность перенять политические и мировоззренческие новшества последнего⁹.

Ф. Грегоровиус, в отличие от многих историков Нового времени высоко ценивший династию Комнинов, писал в несколько ином ключе о губительном влиянии Запада на «стареющую империю» в XI–XII вв. Он находил «резкий контраст» между латинскими странами и греческим Востоком, возникший в «историческом сознании Запада сначала при нормандских правителях Сицилии, а затем во время крестовых походов»¹⁰. То есть автор возложил серьезную долю вины за окончательный упадок Византии именно на латинян. Очень похожее прочтение событий можно найти у российского византиниста Ф.И. Успенского. История Византии рассматривалась им как органичная часть поступательно развивавшейся истории греческого народа, единственной помехой которому было вмешательство Запада. Историк указал на всю эпоху крестовых походов как на «эпизод борьбы между Западом и [христианским] Востоком» и в качестве основной причины разногласий обозначил «сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию Римской церкви»¹¹.

Таким образом, XIX в. стал временем развития концепции о фатальной предопределенности упадка Византийской империи. Точкой бифуркации в этом процессе стал конец XI –

⁵ *Монтескьё Ш.Л.* Персидские письма... С. 389.

⁶ *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т. 6. М., 2008. 592 с.

⁷ *Oman C.* The Byzantine Empire. London, 1902. P. 267.

⁸ Там же.

⁹ *Herzbeig G.* Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin, 1883. S. 269.

¹⁰ *Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart: Cotta, 1889 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gregorov/athen/athen18.html> (дата обращения: 23.07.2021).

¹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Расцвет. Крушение. М., 2011. С. 359.

XII вв., когда Византия, столкнувшись с Западом, не смогла достойно ответить на его «вызовы».

Подобные идеи плавно перетекли в XX столетие. Так, немецкий историк К. Дитерих восхвалял целенаправленное латинофильство Комнинов, доказывая факт существования дуализма в их политике, обусловленного попытками правящей династии модернизировать византийское общество и неспособностью последнего это воспринять¹².

Эти идеи получили свое развитие в позитивизме, в рамках которого были открыты «законы человеческого духа». Вся история человечества стала мыслиться на основании двух парадигм. Считалось, что исторический процесс строится либо на зависимости человека от природы, что имеет место вне Европы, либо на стремлении к господству человека над природой, присущем европейской цивилизации¹³. Собственно, в русле подобного разделения на разные миры рассматривал византийскую историю Ш. Диль. Он акцентировал внимание на существовании «неизгладимого контраста и глубоких различий между двумя [Византийской и Латинской. – Н. Н.] цивилизациями или, вернее, между двумя встретившимися лицом к лицу мирами»¹⁴.

Как неумолимо нарастающую угрозу для Византийской империи со стороны Запада рассматривал XII век российский историк А.А. Васильев. Уже в ситуации I крестового похода он видел встречу «не только схизматиков, но и политических противников»¹⁵. Позднее Г.А. Острогорский обозначил Схизму 1054 г. как время прекращения церковного общения и, как следствие, констатировал полное отсутствие «предпосылок для совместных действий с Западом» в крестовых походах¹⁶.

Эти идеи, которые не противоречили, а скорее дополняли опыт предшествующих периодов изучения истории Византии, легли в основу последующих исследовательских концепций. Тем паче, что политические условия этому благоприятствовали – особенно поспособствовали военные потрясения XX столетия и «холодная война», разделившая Европейский континент на два противоборствующих полюса.

Советские историки-марксисты возложили на Запад серьезную долю вины за падение Византии, считая это следствием неуклонного взаимного отдаления двух христианских миров. Так, М.А. Заборов делал акцент на Схизме 1054 г. как времени оформления «теократической программы папства по ликвидации независимой греко-православной церкви»¹⁷, которой способствовала политическая и экономическая нестабильность в Византии XII в. Н.П. Соколов развивал концепцию целенаправленной политики «натиска на Восток»¹⁸ со стороны латинской Венеции, успешность которой обусловила плачевные итоги рубежа XII–XIII вв.

В Европе с подачи А.Дж. Тойнби история Византии и Запада мыслилась как сосуществование двух разных цивилизаций¹⁹. Причем Византийское государство было представлено как «агонизирующее», а приход к власти первого представителя династии Комнинов – как «мимолетная передышка» в падении цивилизации²⁰. Британский исследователь Ст. Кеннет выделял неудачную политику Комнинов в отношении латинской Венеции как далеко не последний фактор в ослаблении Византийской империи²¹. Его соотечественник С. Ранси-мен указывал на рубеж XI–XII вв. как на время окончательного разрыва между Западом и Востоком: «Крестоносцы были обижены его [Константинополя. – Н. Н.] не слишком

¹² Dieterich K. Byzantinische Charakterkupfe. mit zwei Bildnissen. Leipzig, 1909. S. 35.

¹³ Подробнее см.: Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. М., 2002. Т. 2. 509 с.

¹⁴ Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С. 225.

¹⁵ Васильев А.А. История Византийской империи. М., 2000. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/istorija-vizantijskoj-imperii-tom2/ (дата обращения: 23.08.2021).

¹⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 434.

¹⁷ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. М., 1960. С. 25.

¹⁸ Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 359.

¹⁹ Тойнби А.Дж. Постыжение истории. М., 2010. 640 с.

²⁰ Там же. С. 396.

²¹ Kenneth M. Hystory of Crusades. The Later Crusades. 1189–1311. Wisconsin, 1969. P. 147.

ревностным отношением к священной войне [крестовым походам. – Н. Н.]»²². При этом исследователь признавал нападение крестоносцев на Константинополь в 1204 г. «величайшим в истории мира преступлением против человечества»²³. В первую очередь Запад, по мнению С. Рансимена, ответственен за исход IV крестового похода. Подтверждение этому историк находил в том, что степень взаимных обид между двумя христианскими мирами была абсолютно несоразмерна ситуации 1204 г.

Проблеме несоразмерности масштабов противоречий в христианском мире до начала XIII в. и фатальности исхода IV крестового похода посвящено довольно много современных исследований. В них убедительно доказывается, что осмысление Схизмы 1054 г. как «события всемирно-исторического значения» произошло уже в научной историографии Нового времени²⁴, «в 1054 году ни Восток, ни Запад не считали церковный раскол совершившимся фактом»²⁵. Однако концепция постепенного и неизбежного отдаления христианского Востока от Запада, начиная с середины XI в. и, соответственно, в течение XII в., продолжает свое существование. Так, по мнению К.А. Костромина, в эпоху разделения церквей, которую он доводит до XIII в., «конфликтующие христианские традиции [...] раскололись по географическому признаку “Восток-Запад”»²⁶. Глубина Схизмы 1054 г. видится В.М. Живову и Р. Пиккио столь сильной, что именно к рубежу XI–XII вв. они относят истоки деструктивных процессов в славянских странах: перенявшие религию из Византии и Рима, они, по мнению исследователей, разделились соответственно «на *Slavia Orthodoxa* [византийское христианство. – Н. Н.] и *Slavia Romana* [латинское христианство. – Н. Н.]»²⁷. Добавляемые историографией трактовки складываются в картину нарастания глубоко укорененных противоречий, в силу чего данная эпоха представляет собой закономерный этап на пути к окончательному цивилизационному расколу. Взаимные недовольства, связанные в первую очередь с религиозными факторами, в течение XII в. обострились ввиду начала крестовых походов. Именно они стали катализатором, усилившим существовавшую между христианским Востоком и Западом неприязнь, создав платформу для захвата «латинянами» Константинополя в 1204 г.

Восток и Запад в микросюжетах. Однако подобные выводы теряют свою кажущуюся очевидность, когда историки применяют к событиям XII в. иную оптику, рассматривая каждый конкретный факт как вполне самоценный объект микроисторического анализа, без оглядки на то, что было потом. При обращении к конкретным историческим источникам и отказе от телеологического подхода концепция взаимоотношений христианского Востока и Запада в XII в. перестает казаться столь убедительной и логически безупречной.

Определенные нестыковки между общей объяснительной схемой и конкретными фактами обнаруживаются даже в исторических трудах отечественных историков XIX в., достаточно категорично настроенных относительно влияния Запада на судьбу Византии. Они не могли отрицать случаев взаимодействия между этими акторами в XII в. Уже Ф.И. Успенский писал, что император Иоанн Комнин, ища союзников в борьбе с Рожером Сицилийским, с 1124 г. вел переговоры с папой Калликстом II относительно объединения церквей. Более того, ученый, опираясь на «латинские хроники», описывал приход «в Мерзбург к Лотарю двух послов из Константинополя с дарами и предложением дружбы». Вслед за источником, контакты с Западом Ф.И. Успенский объяснял «нормандской угрозой для Византии» – острые военные конфликты империи с Сицилийским королевством в XI–XII вв.²⁸

²² *Runciman S.* Eastern Schism. London, 1997. P. 168.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Мартынюк А.В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики. Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 147.

²⁵ *Пападакис А., Мейендорф И.* Христианский Восток и возвышение папства. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 106.

²⁶ *Костромин К.А.* Восток и Запад в христианстве первого тысячелетия и разделений церквей // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2013. Т. 15, № 4. С. 8.

²⁷ *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т.1 (Древняя Русь). С. 600. См. также: *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 3–74.

²⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 381.

При этом историк совершенно четко выделял два возможных пути политики Иоанна Комнина для решения этой проблемы: он, по мнению Ф.И. Успенского, «мог войти в сношение либо с Римским престолом, либо с германским королем»²⁹. Иными словами, историк видел западную светскую и церковную власть как самостоятельных акторов исторического процесса. Однако, находясь в рамках общей объяснительной схемы, согласно которой в XII в. происходило фатальное нарастание противоречий между всем христианским Востоком и Западом, внутреннее единство которых не особенно подвергалось сомнению, историк сделал заключение обобщающего характера, констатировав, что переговоры об объединении церковью «не сопровождались положительными результатами», и обозначив, что «в Риме и Константинополе не теряли надежды на благоприятное их направление»³⁰. Возникает закономерный вопрос: если обе стороны «не теряли надежды на объединение», почему же тогда переговоры не имели «положительных результатов»? Быть может, следует разобраться в том, какие стороны стремились к объединению? Данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку говорить о ситуативном характере политики Иоанна Комнина было бы неверно ввиду очевидно последовательной латинофильской позиции его преемника Мануила Комнина.

Об одержимости Мануила Комнина идеей воссоздания Римской империи писал как сам Ф.И. Успенский³¹, так и А.А. Васильев³². Всю западную политику Мануила историк объяснял «личными симпатиями императора к Западу»³³. Однако возникает вопрос: если западная политика Мануила объясняется только субъективными факторами, то почему во времена его предшественника Иоанна Византия и Запад «не теряли надежды на объединение»³⁴? Можно было бы подумать, что А.А. Васильев придерживался иного взгляда по данному вопросу. Однако ученый также констатировал «расширение контактов с западными странами» во времена правления Иоанна Комнина³⁵. Более того, этот историк также разводил понятия светской и церковной власти на Западе, развивая идею о союзе «двух империй», Византийской и Римской, во времена правления Мануила Комнина³⁶. Однако последовательного истолкования взаимоотношений между этими акторами автор не дал, снова смешав всех воедино. Исследователь пишет: «Второй Крестовый поход совершенно, по крайней мере на время, изменил положение вещей: он [...] лишил Византию германской поддержки и подверг ее двойной опасности: со стороны крестоносцев и норманнов»³⁷. Таким образом, пример комплексных работ по истории Византии Ф.И. Успенского и А.А. Васильева очень показателен в плане несоответствия обобщающих выводов и микросюжетов, где рассматриваются частные случаи отношений Византии и Запада в XII в.

В плане работ, всецело посвященных частным темам, показательна статья Х.М. Лопарева. Его исследование «Об униатстве Михаила Комнина» охватывает 60-е гг. XII в. – время, когда император Мануил Комнин решил предложить папе Александру III стать патриархом Рима и Константинополя, что предполагало объединение церковью. Х.М. Лопарев изложил ожесточенную полемику между императором Мануилом и патриархом Михаилом Анхиалом, задействовав широкий круг источников. Император апеллировал к родственным связям двух христианских центров: «Я ищущу мира и радею о соединении христиан»³⁸, а патриарх приводил контраргументы: «Никто другой, [...] более папы не отлучается церковными канонами»³⁹.

²⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 381.

³⁰ Там же. С. 384.

³¹ Там же.

³² Васильев А.А. История Византийской империи...

³³ Там же.

³⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 384.

³⁵ Васильев А.А. История Византийской империи...

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Лопарев Х.М. Об униатстве Мануила Комнина // Византийский временник. 1907. Т. XIV. Вып. 2–3. С. 343.

³⁹ Там же. С. 339.

Х.М. Лопарев, оценивая значение полемики между императором и патриархом, писал: «За три столетия церковной вражды в Византии накопилось много горючего материала, ожесточило сердца православных и приучило их ко всяким резкостям по отношению к папе и римскому христианству»⁴⁰. Вероятно, нахождение в русле все той же парадигмы мышления, сутью которой является нарастающий антагонизм между христианским Востоком и Западом, не дало историку сделать главный вывод, очевидным образом вытекающий из его исследования. В изложении полемики между патриархом Михаилом Анхиалом и императором Мануилом совершенно ясно видны две противоборствующие стороны византийской политики XII в. – светская власть и церковь, апеллировавшие к разным системам ценностей. Очевидно, что для императора общий христианский мир существовал, а для патриарха – уже нет.

Об еще одном политическом акторе – чиновной аристократии – писал Ш. Диль. Он развивал концепцию о том, что приход к власти династии Комнинов «знаменовал торжество крупной военной аристократии»⁴¹. Саму верхушку византийского общества XII в. историк делил на «военную [...] и гражданскую партии»: под первой подразумевалась феодализирующаяся военная знать, под второй – столичная бюрократия⁴². Описывая, как эти две «партии» попеременно солидаризовались с императором и духовенством, в обобщающих выводах Ш. Диль совершенно игнорирует момент внутреннего раскола византийского общества. Он пишет: «Крестовые походы еще больше обострили антагонизм между византийским Востоком и латинским Западом [...]. Политика по отношению к латинянам, обосновавшимся на Востоке, оправдывала это недоверие и усугубляла вражду между двумя мирами»⁴³.

Иными словами, в каждом из рассмотренных текстов (примеров можно было бы привести гораздо больше, однако мы ограничены в объемах) имплицитно присутствует идея об отсутствии внутреннего единства в византийской правящей элите. Закономерно возникает вопрос о том, насколько согласованы выводы историков о ситуации на Западе.

Еще А.А. Васильев, развивая идеи о противостоянии Востока и Запада, назвал последователя Мануила Комнина – Андроника – противником латинян. Этот император, как писал историк, использовал народное движение против их «засилья» и на волне всеобщего негодования пришел к власти. При этом, говоря о «латинском засилье», исследователь явно имел в виду только итальянских купцов. Ведь сразу после упоминания о «резне латинян» в 1182 г. он обратился к венецианским источникам, сокрушаясь, что они «совершенно умалчивают» об этом событии, хотя «венецианские купцы пострадали немало»⁴⁴. Более того, ссылаясь на латиноязычные источники, А.А. Васильев писал о том, что буквально в том же году Папа Луций II посылал легатов в Константинополь. Исследователь обратил внимание также на то, что в 1185 г. Андроник против воли патриарха построил в Константинополе церковь, где латинские католические священники совершали культ по своему обряду⁴⁵.

Иными словами, идея о том, что Андроник был против засилья «латинских» купцов на территории Византии, нежелезобетонно противился некоему абстрактному, «монолитному» Западу, присутствует в труде историка. Однако она нигде не отрефлексирована им в полной мере. И в более поздней историографии Андроник однозначно записывается в «решительные противники западного направления [политики Комнинов. – Н. Н.]»⁴⁶, пришедший к власти на волне антилатинских настроений. В основе последних, по мнению ряда исследователей, лежала неприязнь к латинянам со стороны греков, «чьи культура и цивилизация всегда основывались на насаждаемом духовенством фанатичном православии»⁴⁷.

⁴⁰ Лопарев Х.М. Об униатстве Мануила Комнина... С. 339.

⁴¹ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. С. 52.

⁴² Там же. С. 50.

⁴³ Там же. С. 108.

⁴⁴ Васильев А.А. История Византийской империи...

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства... С. 473.

⁴⁷ Юревич О. Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 36.

Крайне занимателен тот факт, что Ш. Диль, игнорируя неоднородность византийской правящей верхушки, совершенно четко писал о нескольких политических силах на Западе. Как минимум исследователь видел этих акторов во время правления императора Мануила в Византии: «Папа не мог согласиться стать византийским епископом в Риме; [...] итальянские республики не доверяли честолюбивым проектам Мануила; Барбаросса, выведенный из терпения двуличной политикой греков, становился явно враждебным и угрожающим [...]. Весь Запад объединился против Византии»⁴⁸. Однако, как очевидно из приведенной выше цитаты, все политические акторы латинского мира выступают, по мнению историка, единым фронтом против Византии.

О неоднородности Запада писал и Н.П. Соколов. Исследователь, рассуждая о политике «натиска на Восток» со стороны латинской Венеции, констатировал тот факт, что «ситуация борьбы с венецианским засильем вела к сближению с иными латинянами – генуэзцами и пизанцами»⁴⁹. То есть разногласия с одной «латинской» торговой республикой вовсе не предполагали ухудшения отношений с другими. Иными словами, историография знает примеры, где идея об абстрактности понятия «Запад» так же, как и в случае с Византией, присутствует в микросюжетах, но теряется в обобщающих выводах.

Таким образом, в историографии взаимоотношений христианского Востока и Запада XII в. можно наблюдать пунктирно обозначенную идею об отсутствии их внутреннего единства. Условный «Запад» делится историками на церковную и имперскую власть, а также на западнохристианские торговые республики, с которыми у Византии были отдельные отношения. Условный «Восток» аналогично подразделяется на власть церковную и светскую, которая также не является однородной, подразделяясь на две властные элиты.

Имперская периферия Востока и Запада. Еще несколько слов о микросюжетах. Заключение в кавычки абстрактных понятий христианского «Востока» и «Запада» не отменяет того факта, что их центры были империями – «централизованными образованиями, имеющими имперский центр и периферию»⁵⁰. И если в исследованиях, посвященных имперскому центру, совершенно очевиден разрыв между общими представлениями о его «монолитности» и конкретными фактами истории, то что можно говорить о периферии? Нет ли в трудах историков логических несоответствий, подобных тем, что были охарактеризованы выше?

Византийской периферии всецело посвятил свою монографию Д. Оболенский. Именно этот труд окончательно оформил представление о существовании «византийского содружества наций» как сверхнациональной общности, основанной на единстве православной веры. В это «содружество» исследователь включил страны Балканского полуострова, Моравию и Венгрию, которые значительное время испытывали влияние восточного христианства, и, конечно же, Русь как «духовную дочь» Византии. При этом историк обратил внимание на принципиально важный аспект: одним из главных обстоятельств византийских противоречий он называл тотальную византизацию всей периферии, сочетающуюся с устойчивыми антивизантийскими настроениями. Более того, особую роль в развитии подобных настроений исследователь отвел именно «духовной дочери Византии» – Руси, поскольку географически она была удалена от Византии «и не было способа заставить ее согласиться на прямое подчинение императору»⁵¹. Однако тезис об антивизантийских настроениях в Русских землях эпохи Средневековья теряется в итоговых выводах автора. По его мнению, вплоть до падения Византии под ударами турок-сельджуков в 1453 г. «константинопольский патриархат продолжал оставаться централизующей силой, поддерживающей политическое и религиозное единство»⁵².

⁴⁸ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. С. 112.

⁴⁹ Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи... С. 282.

⁵⁰ Теории и истории империй. СПб., 2012. С. 5–6.

⁵¹ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 238.

⁵² Там же. С. 388.

Даже в отзывах крупных историков на книгу Д. Оболенского, где высказано немало критических замечаний, на это несоответствие не было обращено внимания – принадлежность Руси к византийскому миру не оспаривалась. Так, Г.Г. Литаврин указал на то, что политические интересы стран, входивших в «Содружество», мало соотносились друг с другом, однако ощущение общности имело место и было основано на культурно-конфессиональном единстве⁵³. Аналогичной точки зрения придерживался А.П. Каждан, указав на то, что «иерархия “Византийского содружества” была скорее фактором самосознания, нежели политического единения»⁵⁴.

При этом исследования последних десятилетий ставят под вопрос даже культурно-конфессиональное единство и самосознание властных элит Руси, ориентированное исключительно на Византию. В.В. Долгов сравнивает русское средневековое самосознание с конструктором, где присутствует «набор византийских идей»⁵⁵, однако он представляет собой лишь составную часть общей модели мировоззрения. Как точно заметил А.В. Корневский, византийские идеалы «воспринимались [Русью. – Н. Н.] сознательно и достаточно избирательно. [...] Византия лишь играла роль фундаментального религиозного, политического и культурного ориентира, в соответствии с которым средневековая Русь создавала и формировала свою идентичность»⁵⁶.

Наиболее примечательно то, что эти тенденции, согласно выводам историков, отчетливо проявили себя именно в XI–XII вв. Так, уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (50-е гг. XI в.), по мнению В.Н. Топорова, впервые была сформулирована идея о богоизбранности Руси. Эти взгляды исследователя получили широкую поддержку среди современных историков, которые видят идею об особой миссии Русской земли и в Повести временных лет (XII в.)⁵⁷.

А.Ю. Карпов нашел подобные тенденции в перенесении перста св. Иоанна Крестителя из Византии на Русь (начало XII в.). Историк обращает внимание на то, что древнерусское сказание прославляет св. Иоанна Крестителя как покровителя не только тех стран, в которых почивали его мощи прежде (Палестина и Греческая земля), но и Руси. Причем последняя как «новый народ» через почитание святого оказывается в одном ряду с более древними христианскими народами⁵⁸.

А.Г. Кузьмин обратил внимание на учреждение праздника св. Николы Вешнего на Руси на рубеже XI–XII вв. Он был установлен в честь похищения итальянскими купцами мощей св. Николая из города Миры, находившегося в ведении Византии, и перенесения их в итальянский город Бари. Очевидно, что это событие стало национальной трагедией в Византии, однако Русь с энтузиазмом поддержала ликование по поводу обретения мощей западной церковью. Успех культа св. Николы Вешнего в XII в. А.Г. Кузьмин объяснял тем, что он «как бы перехватил идею независимости русской церкви и от Рима, и от Константинополя»⁵⁹. К сожалению, автор не дал более детального обоснования своему тезису. Однако в случае с установлением праздника Николы Вешнего можно видеть наглядный пример избирательного отношения Руси к авторитету ромеев в XII в. Антивизантийская направленность действий русской политической элиты в этом случае вовсе принимает

⁵³ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 355.

⁵⁴ Каждан А.П. D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London, 1971 // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 262.

⁵⁵ Долгов В.В. Древняя Русь. Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск, 2004. С. 19.

⁵⁶ Korenevskiy A.V. Russia's Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 65.

⁵⁷ См., например: Данилевский И.Н. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова. Ч. I. М., 1997. С. 192; Ужанков А.Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–163.

⁵⁸ Карпов А.Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2019. С. 143–160.

⁵⁹ Кузьмин А.Г. Крещение Киевской Руси. М., 2012. С. 38.

форму открытого «вотума недоверия» грекам – демонстративной апелляции к авторитету их религиозных и политических оппонентов.

Иными словами, микросюжеты, посвященные истории Русских земель XI–XII вв., идут вразрез с концепцией разделения средневековой истории Европы на византийский и латинский «миры». Выводы исследователей скорее приводят к заключению о гетерогенном характере русской культуры и самосознания, где конфессиональная составляющая (как минимум у властных элит) практически не берется в расчет.

О том, что подобные тенденции были характерны не только для «византийской периферии» Руси, но и для других стран, входивших в имперские ойкумены, говорит появление в историографии концепции *Slavia Christiana* – особого типа христианства и, соответственно, уклада жизни, ментальности, идеологии, присущего славянским странам, которые испытало и западно-, и восточнохристианское влияние⁶⁰. При этом В.М. Живов, введший этот концепт в российскую историческую науку в 90-е гг. XX в., считал, что подобная общность просуществовала лишь до начала XII в.: «Понадобились сосредоточенные усилия как католического, так и православного духовенства, чтобы к началу XII в. утвердить у славян принцип конфессионального противостояния»⁶¹. В. Водов в качестве отличительной особенности *Slavia Christiana* выделил то, что оно «ни в коем случае не соответствовало разделению на греческую и латинскую ветви»⁶². И в отличие от В.М. Живова, он все же посчитал, что в XII столетии эта славянская общность еще существовала. И с этим выводом сложно не солидаризоваться, учитывая вышеозначенные примеры исследований самосознания и идеологии Руси XI–XII вв.

Крайне примечателен в этом контексте и другой пример – Польши, входившей в римскую имперскую ойкумену. Эту страну наряду с Русью исследователи относят к сообществу *Slavia Christiana*. Более того, еще в XX в. в историографии утвердился тот факт, что взаимодействие Руси и Польши XII в. было ключевым для международных отношений⁶³. При этом, как отметил Я. Кеневич, поведение польских элит по отношению к их конфессиональному «центру» – Священной Римской империи – мало чем отличалось от взаимоотношений Руси и Византии. Исследователь приводит в пример то, что уже при Болеславе Храбром (XI в.) была предпринята мессианская попытка христианизации соседних с Польшей пруссов. Мученическая смерть св. Войцеха, некоторое время жившего в Польше, во время его миссии, связанной с христианизацией пруссов, как отмечает исследователь, дала возможность добиться от римской кафедры основания польского архиепископства⁶⁴.

Таким образом, в историографии, посвященной имперской периферии, присутствует идея об отсутствии у местных властных элит четкой привязки к византийскому и латинскому мирам. Собственно, и сами эти миры представляются «искусственно» разделенными в историографии. Быть может, в этом контексте стоит обратить внимание на исследования самых последних лет, в которых историки призывают к кардинальному пересмотру идеи о существовании в Средневековье христианского «Запада» и «Востока»?

Примечательны в этом контексте работы А.Ю. Виноградова⁶⁵ и М.А. Бойцова⁶⁶, которые рассматривают Священную Римскую империю, Византию и их периферию как единую мир-систему, фундаментом которой является христианство, и заслуживают особого внимания.

⁶⁰ Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси... С. 600; Водов В.А. Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 14.

⁶¹ Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси... С. 598.

⁶² Водов В.А. Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом»... С. 14.

⁶³ См., например: Головкин А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1983. С. 73; Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. М., 2011. С. 186.

⁶⁴ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 139–140.

⁶⁵ Виноградов А.Ю. Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 180–190.

⁶⁶ Бойцов М.А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 171–178.

«Христианский мир» у А.Ю. Виноградова представляет собой «совокупность христианских государств (а не просто христианских народов, как на христианском Востоке, простирающемся до Китая), где христианство, как и в Западной Европе, определяло многие сущностные черты средневекового общества»⁶⁷. Иными словами, речь идет не обо всем ареале распространения христианства, а лишь о тех странах, где оно представляло собой конституирующий элемент социальной организации и культурной традиции, т.е. там, где данная религия имела статус государственной и/или исповедовалась большинством населения. Собственно говоря, несостыковки, абберации исторического зрения в работах историков как раз-таки и случаются там, где имеют место попытки разделения христианского мира XII в. (в понимании М.А. Бойцова) на два противоборствующих лагеря – «Запад» и «Восток».

Подводя итоги, следует отметить, что игнорирование историографией внутренней неоднородности Византии и Запада как основных акторов политического процесса того времени есть проявление глубокого искажения исторической реальности. Основная причина абберации исторического зрения при осмыслении политических катаклизмов XII в. состоит в традиции применения телеологического подхода – в том, что ученые исходят из цивилизационного раскола как данности из того, что он уже произошел. Соответственно, XII век представлен ими как время неуклонного роста противоречий от Схизмы 1054 г. к «закономерному» исходу IV крестового похода. Такое видение – результат неизбежного развития историографии вопроса в русле цивилизационной парадигмы. Именно она дала науке понятие христианского «Востока» и «Запада» как отдельных цивилизаций, представляющих собой внутренне целостные единые системы. Именно в русле цивилизационного подхода формируется дихотомия «мы – они», суть которой состоит в категоричном противопоставлении восточнохристианской и западнохристианской цивилизаций. Однако сама историография при ее детальном рассмотрении дает понять, что для XII в. были характерны равно одинаковые условия как для диалога между восточно- и западнохристианскими политическими акторами, так и для отдаления, обусловленного их неоднородностью.

Литература

Бойцов М.А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 171–178.

Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии: в 2 т. М.: Мысль, 2002. Т. 2. 509 с.

Васильев А.А. История Византийской империи: в 2 т. М., 2000. Т. 2.

Виноградов А.Ю. Параллельные «Средневековья»: Византия, Кавказ (и Древняя Русь) // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 180–190.

Водов В.А. Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 13–15.

Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: в 7 т. М.: ТЕРРА, 2008. Т. 6. 592 с.

Головкин А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев: Наукова думка, 1988. 136 с.

Данилевский И.Н. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: сб. ст. в честь чл.-кор. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М.: СИГНАЛЬ, 1997. Ч. I. С. 172–220.

Диль Ш. Византийские портреты. М.: Искусство, 1994. 244 с.

Диль Ш. История Византийской империи. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1948. 160 с.

Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси / Из истории русской культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 586–618.

Заборов М.А. Папство и крестовые походы. М.: АН СССР, 1960. 262 с.

Каждан А.П. D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971 // Византийский временник, 1973. Т. 35. С. 261–262.

⁶⁷ Виноградов А.Ю. Параллельные «Средневековья»... С. 180.

- Карпов А.Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига, 2019. 400 с.
- Корневский А.В.* «Оскомина иллюзий» или «власть несбывшегося»? // Новое прошлое. *New Past*. 2017. № 1. С. 10–28.
- Костромин К.А.* Восток и Запад в христианстве первого тысячелетия и разделений церковей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки, 2013. Т. 15, № 4. С. 7–23.
- Кузьмин А.Г.* Крещение Киевской Руси. М.: Алгоритм, 2012. 272 с.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.
- Лопарев Х.М.* Об униатстве Мануила Комнина // Византийский временник. 1907. Т. XIV. Вып. 2–3. С. 334–357.
- Мартынюк А.В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики. Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 145–153.
- Монтескьё Ш.Л.* Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 512 с.
- Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-Ко, 1998. 655 с.
- Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М.: Сибирская благовонница, 2011. 895 с.
- Пападакис А., Мейендорф И.* Христианский Восток и возвышение папства. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 630 с.
- Пашуто В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 688 с.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 563 с.
- Теории и истории империй / отв. ред. В.Н. Барышников. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. 728 с.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2010. 640 с.
- Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / пер. с польск. М.: Весь Мир, 2004. 544 с.
- Ужанков А.Н.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–163.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Расцвет. Крушение. М.: Астрель; ФСЕ, 2011. 1008 с.
- Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М.: Православная энциклопедия, 2007. 528 с.
- Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб.: Евразия, 2004. 250 с.
- Dieterich K.* Byzantinische Charakterkupfe. Mit zwei Bildnissen. Leipzig: Teubner, 1909. 146 s.
- Gregorovius F.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Stuttgart: Cotta, 1889. 477 s.
- Kenneth M.* Hystory of Crusades. The Later Crusades. 1189–1311. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1969. 896 p.
- Korenevskiy A.V.* Russia's Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth // Новое прошлое. *The New Past*. 2016. № 1. С. 62–79.
- Oman C.W.* The Byzantine Empire. London: Fisher Unwin, 1892. 364 p.
- Runciman S.* Eastern Schism. London: Oxford University Press, 1997. 189 p.
- Herzbeig G.F.* Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin: G. Grote, 1883. 752 s.
- Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 3–74.
- Долгов В.В.* Древняя Русь. Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2004.

References

- Boytscov, M.A. (2019). Srednevekov'e – v "real'nosti" ili tol'ko v nashem soznanii?" [Is the Middle Ages in "Reality" or Only in Our Consciousness?]. In *Vox medii aevi*. Vol. 2 (5), pp. 171–178.
- Bokl', G.T. (2002). *Istoriya tsivilizatsii v Anglii: 2 t.* [History of Civilization in England in 2 vol.]. Moscow, Mysl'. Vol. 2. 509 p.
- Vasil'ev, A.A. (2000). *Istoriya Vizantiiskoy imperii: 2 t.* [History of the Byzantine Empire in 2 vol.]. Moscow.
- Vinogradov, A.Yu. (2019). Parallel'nye "Srednevekov'ya": Vizantiya, Kavkaz i Drevnyaya Rus'. In *Vox medii aevi*. Vol. 2 (5), pp. 180–190.
- Vodov, V.A. (1992). Kievskaya Rus' pered "grecheskim zakonom" i "rimskim zakonom" [Kievan Rus before the "Greek Law" and "Roman Law"]. In *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Spornye problemy*. Moscow, IRI RAN, pp. 13–15.
- Golovko, A.B. (1983). *Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X – pervoy treti XIII v.* [Ancient Russia and Poland in the Political Relations of the 10th – First Third of the 13th Century]. Kiev, Naukova dumka. 136 p.
- Gibbon, E. (2008). *Zakat i padenie Rimskoy imperii* [Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow, TERRA. 592 p.
- Danilevskiy, I.N. (1997). Eskhatologicheskie motivy v Povesti vremennykh let [Eschatological Motives in the Tale of Bygone Years]. In *U istochnika. Sbornik statey v chest' chlena-korrespondenta RAN Sergeya Mikhaylovicha Kashtanova*. Moscow, SIGNAL, vol. II, pp. 172–220.
- Dil', Sh. (1994). *Vizantiyskie portrety* [Byzantine Portraits]. Moscow, Iskusstvo. 244 p.
- Dil', Sh. (1948). *Istoriya Vizantiiskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Moscow, Gos. izd-vo inostrannoy literatury. 160 p.
- Zhivov, V.M. (2000). Osobennosti retseptsii vizantiyskoy kul'tury v Drevney Rusi [Features of the Reception of Byzantine Culture in Ancient Russia]. In *Iz istorii russkoy kul'tury*. Vol. 1, pp. 586–618.
- Zaborov, M.A. (1960). *Papstvo i krestovye pokhody* [Papacy and Crusades]. Moscow, AN SSSR. 262 p.
- Kazhdan, A.P. (1973). D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. In *Vizantiyskiy vremennik*. Vol. 35, pp. 261–262.
- Karpov, A.Yu. (2019). *Issledovaniya po istorii domongol'skoy Rusi* [Research on the History of Pre-Mongol Russia]. Moscow, Quadriga. 400 p.
- Korenevskiy, A.V. (2017). Oskomina illyuziy ili vlast' nesbyvshegosya [The Edge of Illusions or the Power of the Unfulfilled]. In *Novoe proshloe. New Past*. No. 1, pp. 10–28.
- Kostromin, K.A. (2013). Vostok i Zapad v khristianstve pervogo tysyacheletiya i razdeleniy tserkvey [East and West in Christianity of the First Millennium and the Separation of Churches]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 7–23.
- Kuz'min, A.G. (2012). *Kreshchenie Kievskoy Rusi* [The Baptism of Kievan Rus]. Moscow, Algoritm. 272 p.
- Le Goff, Zh. (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Yekaterinburg, U-Faktoriya. 560 p.
- Litavrin, G.G. (2000). *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII vv.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (9th – Beginning of the 12th Centuries)]. St. Petersburg, Aleteya. 398 p.
- Loparev, Kh.M. (1907). Ob uniatstve Manuila Komnina [On the Uniate of Manuel Komnenos]. In *Vizantiyskiy vremennik*. Vol. XIV, pp. 334–357.
- Martynyuk, A.V. (2017). "Velikiy raskol" vostochnoslavianskoy medievistiki. Sem' tezisov k diskussii [Great Schism of the East Slavic Medieval Studies. Seven Theses for Discussion]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1, pp. 145–153.
- Montesk'e, Sh. (2002). *Persidskie pis'ma. Razmyshleniya o prichinakh velichiya i padeniya rimlyan* [Persian Letters. Reflections on the Reasons for the Greatness and Fall of the Romans]. Moscow, CANON-press-C, Kuchkovo pole. 512 p.

Obolenskiy, D. (1998). *Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov* [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]. Moscow, Janus-Ko. 655 p.

Ostrogorskiy, G.A. (2011). *Istoriya Vizantiiskogo gosudarstva* [History of the Byzantine State]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa. 895 p.

Papadakis, A., Meiendorf, I. (2010). *Khristianskiy Vostok i vozvyshenie papstva* [Christian East and the Rise of the Papacy]. Moscow, Izd-vo PSTGU. 630 p.

Pashuto, V.T. (2011). *Rus'. Pribaltika. Papstvo* [Rus. Baltic Country. Papacy]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 688 p.

Sokolov, N.P. (1963). *Obrazovanie Venetsianskoy kolonial'noy imperii* [Formation of the Venetian Colonial Empire]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta. 563 p.

Baryshnikov, V.N. (ed.). (2012). *Teorii i istorii imperiy* [Theories and Histories of Empires]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 728 p.

Toynbi, A.Dzh. (2010). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Iris Press. 640 p.

Tymovskiy, M., Kenevich, Ya., Hol'tser, E. (2014). *Istoriya Pol'shi* [History of Poland]. Moscow, The Whole World. 544 p.

Uzhankov, A.N. (2005). *Koncepty "Rus'" i "Russkaya zemlya" v mirovozzrenii drevnerusskikh knizhnikov XI–XV vv.* [Concepts of Rus and the Russian Land in the Worldview of Ancient Russian Scribes of the 11th–5th Centuries]. In *Rossiya XXI*. No. 5, pp. 134–163.

Uspenskiy, F.I. (2011). *Istoriya Vizantiiskoy imperii. Rastsvet. Krushenie* [History of the Byzantine Empire. Bloom. Crash]. Moscow, Astrel'Russia. 1008 p.

Florya, B.N. (2007). *Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [Research on the History of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, Pravoslavnaya enciklopediya. 528 p.

Yurevich, O. (2004). *Andronik I Komnin* [Andronikos I Komnenos]. St. Petersburg, Eurasia. 250 p.

Dieterich, K. (1909). *Byzantinische Charakterkopfe mit zwei Bildnissen* [Byzantine Character Heads with Two Portraits]. Leipzig, Teubner. 146 p.

Gregorovius, F. (1889). *Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter* [History of the City of Athens in the Middle Ages]. Stuttgart, Cotta. 477 p.

Kenneth, M. (1969). *Hystory of Crusades. The Later Crusades. 1189–1311*, Wisconsin, The University of Wisconsin press. 896 p.

Korenevskiy, A.V. (2016). Russia's Byzantine Heritage: The Anatomy of Myth. In *Novoe proshloe. New Past*. No. 1, pp. 62–79.

Oman, C.W. (1892). *The Byzantine Empire*. London, Fisher Unwin. 364 p.

Runciman, S. (1997). *Eastern Schism*. London, Oxford University Press. 189 p.

Herzberg, G.F. (1883). *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches* [History of the Byzantines and the Ottoman Empire]. Berlin, G. Grote. 752 p.

Pikkio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and Language]. Moscow, Znak. 703 p.

Dolgov, V.V. (2004). *Drevnyaya Rus'. Mozaika epohi. Ocherki social'noy antropologii obshchestvennykh otnosheniy XI–XVI vv.* [Ancient Russia. Mosaic of the Epoch. Essays on the Social Anthropology of Social Relations of the 11th–16th Centuries]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. 218 p.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021. г.